

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-154-166

А. А. Карагодин¹

Алтайский государственный педагогический университет

И. А. Карагодина²

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

ОБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ПРОПОЗИЦИИ В АСПЕКТЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЙ О ФАКТАХ И МНЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Статья посвящена одной из самых сложных проблем в судебной лингвистической экспертизе – разграничению утверждений о фактах и мнений. В публикации выделен новый критерий определения формы сообщения негативной информации. На этапе анализа семантического уровня высказывания устанавливается объективная модальность пропозиции. Определение модальности требуется в условных высказываниях, в высказываниях о внутреннем состоянии другого лица, а также в высказываниях с модальными предикатами возможности, которые в лингвистической семантике относятся к контекстам снятой утвердительности. Возможность выделения импликаций или пресуппозиций свидетельствует о наличии в высказывании информации в форме утверждения о фактах.

Ключевые слова: утверждение о фактах, мнение, объективная модальность, импликация, пресуппозиция, лингвистическая экспертиза текста

A. A. Karagodin

Altai State Pedagogical University

I. A. Karagodina

Altai State Technical University named after I. I. Polzunova

OBJECTIVE MODALITY OF THE PROPOSITION IN THE ASPECT OF DIFFERENTIATING STATEMENTS OF FACT AND OPINION IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION

¹ Александр Александрович Карагодин – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), Karago.S@yandex.ru

² Инна Андреевна Карагодина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул), karagodina.inna@yandex.ru

The article deals with one of the most complicated problems in forensic linguistic examination – the distinction between factual statements and opinions. The publication highlighted a new criterion for determining the form of statements with negative information. At the stage of analysis of the semantic level of the statement the objective modality of the proposition is established. Determination of modality is required in conditional statements, in statements about the internal state of the other person, as well as in statements with modal predicates of possibility, which in linguistic semantics refer to contexts of removed affirmation. The possibility of the selection of implicatures or presuppositions indicates the presence of information in the statement in the form of a statement of fact.

Keywords: statement of facts, opinion, objective modality, implication, presupposition, linguistic examination of the text

Специальные познания в области лингвистики необходимы для разрешения споров по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). Несмотря на то, что в судебной лингвистической экспертизе накоплен достаточно большой опыт исследования текста в рамках данной категории дел, остаются спорные моменты, требующие внимания ученых. В частности, разграничение утверждений о фактах и мнений представляет собой не до конца решенную проблему. На основе имеющегося у авторов опыта проведения исследований по запросам суда, органов следствия и частных лиц (участников судебного разбирательства) в статье предлагается методика определения формы сообщения негативной информации.

Новизна данной статьи заключается в расширении способов разграничения утверждений о фактах и мнений в ходе судебных лингвистических исследований. Значение реальной объективной модальности выступает одним из критериев определения формы передачи негативных сведений в условных высказываниях (с союзом *«если ..., то ...»*), в высказываниях о внутреннем состоянии другого лица, а также в высказываниях с модальными предикатами возможности.

В статье анализируется оппозиция реальной объективной модальности и контекстов снятой утвердительности в аспекте разграничения утверждений о фактах и мнений, предлагается в методике экспертного исследования устанавливать объективную модальность пропозиции в высказываниях, содержащих условие, модальные предикаты возможности или указывающих на внутреннее состояние другого лица.

В экспертных исследованиях по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации традиционно ставится вопрос о форме выражения негативных сведений, который формулируется следующим образом: *«Если негативная информация о лице содержится в высказываниях / в тексте, то в какой форме она выражена: утверждения о фактах, которое можно проверить на соответствие действительности, или оценочного суждения, мнения, предположения?»*. Для решения вопроса лингвисту-эксперту требуется установить, в каком отношении с действительностью находится информация, содержащаяся в спорных высказываниях, и в какой форме (утверждение, мнение, предположение) она выражена.

Проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений с точки зрения методики экспертного анализа освещалась в работах А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Г. С. Иваненко, А. А. Карагодина, О. В. Кукушкиной.

В научных работах К. И. Бринева, А. А. Карагодина была предложена методика экспертного анализа по вопросу разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений [Бринева, 2009, с. 129–130; Карагодин, 2013, с. 87]. Данная методика прошла успешную апробацию при подготовке авторами статьи экспертных заключений по запросам суда, органов следствия и частных лиц. Она включает 3 этапа. Первый и второй этапы предполагают анализ семантического уровня высказывания, на третьем этапе исследуется прагматический уровень.

На *первом этапе* проводится экспликация сведений, содержащихся в высказывании. В лингвоэкспертной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации данная задача решается при ответе на вопрос: «*Содержится ли в тексте публикации <...> негативная информация о конкретном лице ... (указать Ф. И. О. лица или название организации)?*». Для описания семантики высказывания применяется метод пропозиционального анализа (Н. Д. Арутюнова, В. Б. Касевич, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева и др.), с помощью которого устанавливается количество пропозиций в содержательной структуре высказывания. Анализ высказываний осуществляется на основе типологии пропозиций, разработанной Т. В. Шмелевой. Согласно данной типологии, выделяются событийные и логические пропозиции. В событийных пропозициях ««портретируется» действительность – происходящие в них события с их участниками» [Шмелева, 1994, с. 10], а в логических пропозициях «представлены результаты умственных операций и сообщается о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Там же, с. 10]. Т. В. Шмелева видит различие данных видов пропозиций в том, что событийные пропозиции фиксируют события действительности и не зависят от воли говорящего, т.е. объективны, логические пропозиции, наоборот, зависят от взглядов говорящего, т.е. субъективны [Там же, с. 12]. Из этого не следует, что только событийные пропозиции могут передавать истинную или ложную информацию. Логические пропозиции тоже могут обладать свойством истинности: «*Тигр – хищник*», «*Действия Петрова противозаконны*» и т.д.

Пропозициональный анализ дополняется семантическим анализом слов, выражений, контекстным анализом, приемом перефразирования высказывания [Баранов, 2009], если спорная информация выражена словами с квалификативным значением, фразеологизмами, метафорами или в грамматических конструкциях с неочевидной семантикой («должен был бы») [Карагодин, 2020]. В результате применения указанных приемов и методов эксплицируется содержание пропозиции.

Второй этап предполагает установление возможности выявленной информации быть истинной или ложной. Истинность / ложность высказывания упоминается как критерий установления утверждений в постановлении пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. – № 3: «*В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Рос-*

сийской Федерации <...> при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [Постановление пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. – № 3. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/]. Под соответствием действительности подразумевается истинностная оценка.

Когда в логико-лингвистических работах речь идет об истинности / ложности, имеется в виду, что информация может соответствовать действительности или не соответствовать ей. Такое понимание основано на семантической теории истины, которая разработана А. Тарским [Тарский, 1998, с. 90–129]. В логике принято говорить о том, что не могут быть истинными или ложными юридические и морально-этические нормы, а также оценки: «нормы и оценки <...> исключаются из области истины» [Вригт, 1986, с. 75]. Следовательно, если содержанием пропозиции является юридическая или морально-этическая норма либо оценочная информация, то данная информация не обладает свойством истинности и должна быть отнесена к мнениям, предположениям или оценочным суждениям.

Для определения истинности / ложности информации одним из авторов данной статьи выработан алгоритм экспертных действий:

«1. Установить, является ли содержанием эксплицированной пропозиции юридическая или морально-этическая норма либо оценочная информация. Если да, то информация не обладает свойством истинности.

2. Для информации, обладающей свойством истинности, определить, исходя из содержания пропозиции, возможность указать положение дел, от которого зависит истинность информации.

3. Если пропозиция имеет определенное значение (положение дел детализировано), задать условия ложности, указав обратное представленному в пропозиции положение дел.

4. В случае неопределенности значения пропозиции отметить в выводах экспертного заключения невозможность сформулировать условия ложности для информации.

5. Если содержанием пропозиции является объективное модальное значение возможности, в выводах также указать на невозможность определения условий ложности» [Карагодин, 2014, с. 130–131].

Пропозиция, обладающая свойством истинности / ложности, может быть отнесена к утверждениям о фактах в том случае, если для нее возможно задать условия истинности / ложности. Невозможность сформулировать данные условия затруднит проверку сообщаемой информации на предмет соответствия действительности.

На *третьем этапе* экспертного анализа определяется форма сообщения той информации, которая обладает свойством истинности. Как правило, мнение и предположение маркируются лексическими (вводными словами, модальными частицами) и лексико-синтаксическими («Я считаю», «Я полагаю» и др.) средствами, а утверждение таких маркеров не имеет. Частотны случаи, когда маркеры мнения или предположения не проявлены в спорных высказываниях, содержатся в них имплицитно, но без затруднения восстанавливаются контекстуально. Контекстный анализ и прием подстановки позволяют данные показатели мнения и предположения эксплицировать. Следует иметь в виду, что сфера действия маркеров мнения или предположения в полипропозитивных конструкциях может быть ограниченной. Чтобы установить те пропозиции, в которых истинная или ложная информация утверждается, необходимо применить метод контекстного анализа, прием перефразирования и исключения частей высказывания.

Опыт разграничения утверждений о фактах и мнений в ходе судебных лингвистических исследований показывает, что второй этап методики экспертного анализа требует дополнения. Анализ должен подтвердить наличие у пропозиции, обладающей свойством истинности, значения реальной объективной модальности. Приведем примеры. В условном высказывании «*Если Иванов вернулся, то в настоящий момент он гуляет с ребёнком*» эксплицируются две событийные пропозиции, обладающие свойством истинности: ‘Иванов вернулся’ и ‘Иванов в настоящий момент гуляет с ребёнком’. Сообщаемая информация не является оценкой или нормой, для обеих пропозиций возможно задать условия ложности, указав обратное положение дел. Однако отнести информацию ‘Иванов вернулся’ и ‘Иванов в настоящий момент гуляет с ребёнком’ к утверждениям о фактах не представляется возможным. В высказывании отсутствует значение реальной объективной модальности, оно нейтрализуется условной конструкцией высказывания. Из него не следует, что Иванов вернулся и в настоящий момент гуляет с ребёнком.

В теории референции, изучающей высказывание в аспекте его отношения к действительности, объективная модальность рассматривается как составляющая референциального статуса пропозиции. В работах Е. В. Падучевой объективная модальность разделяется на реальную и нейтральную. Нейтральная модальность свойственна высказываниям, в которых информация передается безотносительно реального положения дел (информация не представляется как истина или как ложь, она безотносительна к истине). Реальная модальность присуща пропозициям, которые соотносятся с ситуациями действительности. Такие пропозиции могут быть выражены как независимыми утвердительными предложениями с предикатом в индикативе, так и зависимыми предикативными конструкциями.

Высказывания с глаголом в форме индикатива означают, что пропозиция является реальной (т.е. истинной). «Большинство языков устроено таким образом, что самое нейтральное соединение субъекта с предикатом дает утверждение истинности соответствующей пропозиции» [Падучева, 2014, с. 400]. В высказы-

вании «Петров открыл счет в банке» предикат «открыл» выражает реальную объективную модальность: из высказывания следует, что пропозиция «Петров открыл счет в банке» истинна. Высказывание «Я думаю, что Петров открыл счет в банке» имеет значение нейтральной объективной модальности, поэтому из него не следует, что Петров открыл счет в банке. Утвердительная модальность снимается за счет конструкции «Я думаю».

Значение индикатива нейтрализуется в контекстах неверидикативности (снятой утвердительности). «В контексте снятой утвердительности пропозиция с глаголом в индикативе имеет не реальную, а нейтральную объективную модальность, т.е. употребляется безотносительно к истине» [Падучева, 2016, с. 35]. В семантике понятие «неверидикативность» используется применительно к характеристике истинностного статуса зависимой пропозиции (например, в позиции придаточного изъяснительного). Показателями снятой утвердительности являются значения вопроса, императива, условия, возможности, необходимости и желательности. Из предположения «Он, возможно, уехал за границу» не следует, что он уехал за границу. Значение высказывания – безотносительность к истине. Тогда как в высказывании «Я знаю, что он уехал за границу» пропозиция «он уехал за границу» имеет значение «истина» (в высказывании «Он лжёт, что уехал за границу» значение пропозиции «уехал за границу» – «ложь»).

В зависимой предикативной позиции пропозиция не утрачивает реальную объективную модальность в том случае, если является пресуппозицией или импликацией. Пресуппозиция (или в терминологии Е. В. Падучевой презумпция) – это пропозиция, которая не подвергается действию отрицания. «Предложение Р является презумпцией предложения S, если из S следует Р и из отрицания S следует не Р» [Падучева, 2017, с. 10]. Так, из высказываний «Жалею, что поехал» и «Не жалею, что поехал» следует, что поехал [Там же, с. 9].

Пропозиция, которая в противоположность пресуппозиции затрагивается отрицанием, называется импликацией (предложение Q является импликацией предложения S, если из S следует Q и из отрицания S следует не Q). Например, из высказывания «Добился того, что его приняли» следует, что его приняли (из S следует Q). Включение отрицания «Не добился того, что его приняли» порождает обратное следствие: его не приняли (из отрицания S следует не Q) [Падучева, 2017, с. 9]. Пресуппозиции и импликации утверждают истинность/ложность сообщаемой информации, в ходе экспертного исследования должны быть отнесены к утверждениям о фактах.

Определение способа передачи негативных сведений по формальным показателям не дает объективных результатов исследования. Не всегда маркеры мнения и предположения указывают на то, что в высказывании отсутствует утверждаемая информация, обладающая свойством истинности или ложности.

Присутствие в высказывании предикатов, указывающих на внутреннее состояние другого лица, не означает, что сообщаемая информация является мнением. В судебной лингвистической экспертизе высказывания о ментальных состо-

яниях, чувствах, ощущениях другого лица, его целях квалифицируются как оценочные суждения, мнения и считаются неверифицируемыми. Обоснование данного тезиса заключается в том, что для говорящего внутреннее состояние другого лица не наблюдаемо. Если говорящий не получал никаких свидетельств о состоянии данного лица, «он может восстановить его лишь по косвенным, далеко не всегда достаточно информативным, признакам» [Доронина, 2011, с. 348]. Если нет возможности наблюдать непосредственно внутреннее состояние другого лица (если о своем состоянии ничего не говорило само лицо и не сообщали о нем третьи лица), делается вывод о данном состоянии по каким-либо не всегда точным, неясным внешним проявлениям. Однако нередко высказывания с предикатами внутреннего состояния допускают импликации, которые могут быть утверждениями о фактах. Проанализируем примеры из лингвоэкспертной практики авторов с соответствующими значениями глаголов. Далее в качестве иллюстративного материала приводятся фрагменты публикаций, ставших предметом судебного разбирательства по ст. 152 ГК РФ (в цитируемых фрагментах сохраняется орфография и пунктуация оригинала). В целях сохранения конфиденциальности участников судебного процесса фактическая информация изменена.

В высказываниях с глаголами внутреннего состояния могут содержаться семантические следствия. Зона влияния глаголов внутреннего состояния на смысловые компоненты высказывания ограничена, на что указывает возможность импликации. В ходе исследования по вопросу «*Содержится ли в тексте публикации <...> негативная информация о лице М.?*» было выделено высказывание «*Он также не брезговал просить помощи у Орловской ОПГ...*», содержащее глагол внутреннего состояния «не брезговал». В приведенном высказывании сообщается следующая негативная информация о лице М.: «М. для достижения своих целей просил помощи у Орловской ОПГ». Высказывание является частью фрагмента:

«Известно, что для решения своих задач М. обращался не только к другим рейдерам. Он также не брезговал просить помощи у Орловской ОПГ, один из лидеров которой является бенефициаром «БонФет», интересы которой по свидетельству СМИ лоббировал М.»

Информация «М. для достижения своих целей просил помощи у Орловской ОПГ» не является оценкой или нормой. Предикат (составное глагольное сказуемое «*не брезговал просить*») содержит пропозиции: 1) «просить», 2) «не брезговал». Значение глагола «брезговать» определяется по глаголу «брезгать»: «испытывать чувство брезгливости к кому-, чему-либо; пренебрегать, гнушаться. *Я им брезгаю. Ничем не брезгает* (ничем не гнушается в достижении своей цели)» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 96]. «Ничем не гнушается кто-либо» – «ничего не стесняется, ни перед чем не останавливается» [Там же]. Словосочетание «*не брезговал просить помощи*» означает «не испытывал чувства брезгливости, когда просил помощи». В высказывании пропозиция «не брезговал» находится в ассертивной части. Пропозиция «просить» имплицативна, т.е. является

следствием: «не брезговал просить помощи» – значит, просил помощи. Исключение отрицания приводит к обратному следствию: «брезговал просить помощи» – значит, не просил помощи.

Глагол «брезговать» указывает на внутреннее состояние лица – негативное чувство в связи с совершаемым действием «просить». Зона влияния глагола внутреннего состояния «брезговать» ограничена, не распространяется на действие «просить», вследствие чего реализуется импликация ‘М. для достижения своих целей просил помощи у Орловской ОПГ’. Ср., в высказывании ‘Он также решил просить помощи у Орловской ОПГ...’ глагол внутреннего состояния «решил» не предполагает импликацию «просил помощи», из высказывания не следует, что М. для достижения своих целей просил помощи у Орловской ОПГ.

На прагматическом уровне высказывания, содержащего негативную информацию о М., отсутствуют показатели мнения или предположения.

Проведенный анализ позволил специалисту квалифицировать негативную информацию как утверждение о факте.

Рассмотрим другое высказывание, в котором глагол внутреннего состояния и оценочный компонент не ограничивают импликацию, а следовательно, не определяют форму передачи сведений в высказывании.

Лингвистом-экспертом на предмет наличия негативных сведений о лице было проанализировано высказывание «Мужик частенько забывает задекларировать свои доходы, а живет он явно не по средствам: квартира площадью 300 м² с двумя парковочными местами площадью по 30 м² в элитном ЖК за пол ярда, авто с блатными номерами «AAA»: Mercedes, Land Rover, Mercedes s560 Maybach». В части высказывания «Мужик частенько забывает задекларировать свои доходы...» определена негативная информация о М.: ‘М. часто не декларирует свои доходы’. Данная информация не является оценкой или нормой. Предикат (составное глагольное сказуемое «забывает задекларировать») содержит пропозиции: 1) «забывает», 2) «задекларировать».

Глагол «забывать» указывает на внутреннее состояние лица; значение глагола определяется по лексеме «забыть»: «упустить из виду; не вспомнить в нужный момент. *Забывать купить что-либо. Забыть взять что-либо*» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 312]. Слово сочетание «забывает задекларировать свои доходы» означает ‘упускает из виду; не вспоминает в нужный момент о необходимости декларировать свои доходы’. В высказывании пропозиция «забывает» находится в ассертивной части. Пропозиция «задекларировать» содержит следствие (импликацию): «забывает задекларировать» – значит, бывают случаи, когда не декларирует. Включение отрицания приводит к обратному следствию: «не забывает декларировать» – значит, всегда декларирует. Глагол внутреннего состояния другого лица не исключает импликацию.

Компонент значения «бывают случаи, когда» является обязательной частью импликации. Значение наречия «частенько» («часто») определяется по прилагательному «частый» – «происходящий, повторяющийся через короткие

промежутки» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1468]. Оценочный компонент в значении данного наречия не определяет форму передачи сведений в высказывании «*Мужик частенько забывает задекларировать свои доходы...*». Сообщаемая информация будет ложной в том случае, если не имела место в действительности ситуация, когда М. не задекларировал свои доходы.

На прагматическом уровне высказывания, содержащего негативную информацию о М., отсутствуют показатели мнения или предположения. Проведенный анализ позволил специалисту квалифицировать негативную информацию как утверждение о факте.

В практике судебных лингвистических экспертиз высказывания с модальностью возможности традиционно относятся к мнению. Однако присутствие модального глагола «мочь» еще не означает, что сообщаемую информацию нельзя квалифицировать как утверждение о факте. Приведем примеры высказываний с глаголом «мочь», которые квалифицируются не только как мнения, но и как утверждения о фактах.

В исследовании по вопросу «*Содержится ли в тексте публикации <...> негативная информация о лице М.?*» специалистом анализировалось высказывание «*Связь с рейдерами и вскрывшиеся в «Интеркол» махинации могут объяснить, откуда в собственности М., белый доход которого не превышал 50 млн. рублей в год, оказалась куча элитной недвижимости и дорогих авто с блатными номерами*», в котором сообщается следующая негативная информация о лице М.: «*Благодаря связи с рейдерами и махинациям в «Интеркол» у М. в собственности оказалось большое количество элитной недвижимости и дорогих автомобилей с блатными номерами*». В пресуппозиции высказывания также присутствуют сведения «*М. связан с рейдерами и имеет отношение к махинациям, которые вскрылись в «Интеркол»*», однако в данной статье они рассматриваться не будут.

Информация «*Благодаря связи с рейдерами и махинациям в «Интеркол» у М. в собственности оказалось большое количество элитной недвижимости и дорогих автомобилей с блатными номерами*» не является оценкой или нормой. Предикат (составное глагольное сказуемое «*могут объяснить*») содержит пропозицию «объяснить» и модальность «могут». Глаголу «объяснить» соответствует значение «истолковать, раскрыть причину, смысл, закономерность чего-либо. *Объяснить явления природы. Аварии нельзя объяснить одной только случайностью. Как объяснить твоё долгое отсутствие? Не могу объяснить, отчего третий день высокая температура. Объясните, что с вами случилось?*» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 694]. Глагол «могут» употреблен в объективном (онтологическом) модальном значении, указывает на возможность совершения действия в будущем. С объективным модальным значением предикат не допускает следствия (пресуппозиции или импликации): из «могут объяснить» не следует, что «объясняют». Причинно-следственная связь не утверждается в высказывании.

Проведенный анализ позволил специалисту квалифицировать негативную информацию 'Благодаря связи с рейдерами и махинациям в «Интеркол» у М. в собственности оказалось большое количество элитной недвижимости и дорогих автомобилей с блатными номерами' как мнение.

Присутствие в высказывании модальных предикатов не означает, что сообщаемую негативную информацию следует относить к мнению или предположению. Высказывания, в которых модальный предикат будет употреблен в форме совершенного вида прошедшего времени («сможет»), допускают импликации, которые могут быть отнесены к утверждениям о фактах. Так, из высказывания *«Петров смог решить трудную задачу по математике»* (пример взят из [Карагодина, 2014, с. 117–118]) следует, что Петров решил трудную задачу по математике. Данная информация может быть истинной или ложной, сообщается в форме утверждения о факте. Импликация возможна также в высказываниях с модальным предикатом «мочь» в форме несовершенного вида прошедшего времени.

В экспертном заключении было проанализировано высказывание с модальным предикатом «мочь»: *«То есть, он либо ему (Кирову) давал указания о перечислении денежных средств, а он уже передавал Давыдовой. Либо Иванов З. В. мог напрямую дать указание Давыдовой»*. В *«Либо Иванов З. В. мог напрямую дать указание Давыдовой»* предикат (составное глагольное сказуемое «мог дать указание») содержит пропозицию «дать указание» (т.е. указать) и модальность «мог». Глагол «мог» употреблен в объективном (онтологическом) модальном значении. Форма несовершенного вида прошедшего времени указывает на отнесенность сообщаемого к прошлому.

В рассматриваемом контексте глагол «дать» указывает на неоднократно совершившееся действие: 'Иванов З.В. неоднократно давал напрямую указания Давыдовой'. Повторяющийся союз «либо» сопоставляет ситуации, при которых несовершенство первого действия (*«он либо ему (Кирову) давал указания о перечислении денежных средств, а он уже передавал Давыдовой»*) приводило к совершению второго (*«Либо Иванов З. В. мог напрямую дать указание Давыдовой»*). Действие в первой ситуации осуществлялось многократно, следовательно, действие во второй ситуации повторялось не один раз. Предикат *«мог дать указание»* содержит импликацию «неоднократно давал указания», выражает значение неоднократно совершившегося в прошлом действия. Итак, информация 'Иванов З.В. неоднократно давал напрямую указания Давыдовой' имеет форму утверждения о фактах.

Таким образом, в статье предлагается новый критерий разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, мнений в судебных лингвистических исследованиях. В условных высказываниях, в высказываниях о внутреннем состоянии другого лица, а также в высказываниях с модальными предикатами возможности необходимо устанавливать реальную объективную модальность пропозиции. Эта задача решается на этапе определения свойства негативной информации быть истинной или ложной. Глаголы внутреннего состояния,

модальные предикаты, условные конструкции нейтрализуют реальную объективную модальность, однако на примерах из экспертной практики доказано, что возможность выделения импликаций или пресуппозиций свидетельствует о наличии в высказывании информации в форме утверждения о фактах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.

Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – 2-е изд. / А. Н. Баранов. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.

Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н. Д. Голева / К. И. Бринев. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.

Вригт фон, Г. Х. Логико-философские исследования: Избр. тр. / Г. Х. Вригт фон. – Москва: Прогресс, 1986. – 600 с.

Доронина, С. В. Факт: семантика и прагматика / С. В. Доронина // Юрилингвистика-11: право как дискурс, текст и слово: межвуз. сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и К. И. Бринева. – Кемерово, 2011. – 600 с.

Иваненко, Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: монография / Г. С. Иваненко. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 228 с.

Карагодин, А. А. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений в ходе экспертного исследования спорного высказывания / А. А. Карагодин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12 (30): в 2 ч. Ч. II. – С. 86–89.

Карагодин, А. А. Семантические и прагматические свойства высказываний в аспекте разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений в судебной лингвистической экспертизе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Карагодин. – Барнаул, 2014. – 286 с.

Карагодин, А. А. Медиа́тэкст со скрытым информированием как объект лингвоэкспертного исследования / А. А. Карагодин, И. А. Карагодина // Культура и текст. – 2020. – № 3 (42). – С. 126–139.

Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – Москва: Наука, 1988. – 309 с.

Кукушкина, О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? / О. В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3 (43). – С. 132–145.

Падучева, Е. В. Модальность / Е. В. Падучева // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 448 с.

Падучева, Е. В. Об истинном статусе пропозиции в предложениях с потенциальным актантом / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – № 1 (33). – 2017. – С. 9–42.

Падучева, Е. В. Отрицание, снятая утвердительность и двойственность / Е. В. Падучева // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды института лингвистических исследований. – 2014. – Т. 10. – № 2. – С. 399–413.

Постановление пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. – № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 08.09.2022).

Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики / А. Тарский // Аналитическая философия: становление и развитие: антология / пер. с англ., нем. – Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.

Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994. – 46 с.

REFERENCES

Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka. – 2-e izd., ispr. / N. D. Arutyunova. – Moskva: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. – I–XV. – 896 s.

Baranov, A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika: ucheb. posobiye / A. N. Baranov. – 2-e izd. – Moskva: Flinta: Nauka, 2009. – 592 s.

Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka / sost. i gl. redaktor S. A. Kuznetsov. – Sankt-Peterburg: Norint, 2000. – 1536 s.

Brinev, K. I. Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: monografiya / K. I. Brinev / pod red. N. D. Goleva. – Barnaul: AltGPA, 2009. – 252 s.

Doronina, S. V. Fakt: semantika i pragmatika / S. V. Doronina // YUrislingvistika-11: pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuz. sbornik nauchnyh trudov / pod red. N. D. Goleva i K. I. Brineva. – Kemerovo, 2011. – 600 s.

Ivanenko, G. S. Lingvisticheskaya ekspertiza v processah po zashchite chesti, dostoinstva, delovoj reputacii: monografiya / G. S. Ivanenko. – Chelyabinsk: Izd-vo OOO «Poligraf-Master», 2006. – 228 s.

Karagodin, A. A. Razgranicheniye utverzheniy o faktakh i otsenochnykh suzheniy v khode ekspertnogo issledovaniya spornogo vyskazyvaniya / A. A. Karagodin // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 12 (30): v 2-h ch. CH. II. – S. 86–89.

Karagodin, A. A. Semanticheskie i pragmaticheskie svojstva vyskazyvanij v aspekte razgranicheniya utverzhenij o faktakh i ocenochnykh suzheniy v sudebnoj lingvisticheskoy ekspertize: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / A. A. Karagodin. – Barnaul, 2014. – 286 s.

Karagodin, A. A. Mediatekst so skrytym informirovaniem kak ob'ekt lingvoekspertnogo issledovaniya / A. A. Karagodin, I. A. Karagodina // Kul'tura i tekst. – 2020. – № 3 (42). – S. 126–139.

Kasevich, V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya / V. B. Kasevich. – Moskva: Nauka, 1988. – 309 s.

Kukushkina, O. V. Negativnaya informaciya: utverzhenie o fakte ili vyrazhenie mneniya? / O. V. Kukushkina // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. – 2016. – № 3 (43). – S. 132–145.

Paducheva, E. V. Modal'nost' / E. V. Paducheva // Materialy k Korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol. CHast' I. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2016. – 448 s.

Paducheva, E. V. Ob istinnom statuse propozicii v predlozheniyah s sentencial'nym aktantom / E. V. Paducheva // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. – № 1 (33). – 2017. – S. 9–42.

Paducheva, E. V. Otricanie, snyataya utverditel'nost' i dvojstvennost' / E. V. Paducheva // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. – 2014. – T. 10. – № 2. – S. 399–413.

Postanovlenie plenuma Verhovnogo suda RF ot 24.02.2005 g. – № 3 «O sudebnoj praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i yuridicheskikh lic» [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (Data obrashcheniya: 08.09.2022).

Shmeleva, T. V. Semanticheskij sintaksis: tekst lekcij iz kursa «Sovremennyy russkij yazyk» / T. V. Shmeleva. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, 1994 – 46 s.

Tarskij, A. Semanticheskaya koncepciya istiny i osnovaniya semantiki / A. Tarskij // Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie: antologiya / per. s angl., nem. – Moskva: Dom intellektual'noj knigi, Progress-Tradiciya, 1998. – 528 s.

Vrigt fon, G. H. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. tr. / G. H. Vrigt fon. – Moskva: Progress, 1986. – 600 s.